

А.Г. Юркевич

Перевернутая страница истории науки или живой опыт отечественного китаеведения? К 30-летию энциклопедического словаря «Китайская философия»

Аннотация: В статье показан новаторский характер изданного в 1994 г. году энциклопедического словаря «Китайская философия». Раскрывается значение теоретических и методологических разработок, апробированных в ходе создания словаря, а также его базовых глосс для подготовки энциклопедии «Духовная культура Китая» (2006–2010). Продемонстрированы достоинства словаря – беспрецедентно широкий для отечественной и западной синологии охват материала, в том числе за счет отражения в словнике истории изучения китайской философии за рубежом Китая и взглядов крупнейших представителей мировой культуры на феномен китайской мысли; применение при составлении словника таких методик, которые исходили из экстраполяции лексикографического понятия «гнезда» на иерархию репрезентаций явлений духовной культуры Китая. Выявлены недостатки словаря и их причины, освещены трудности, возникавшие в ходе его создания, факторы, обусловившие относительно невысокий уровень известности и востребованности этого издания. Показаны возможности применения опыта подготовки словаря для развития отечественного китаеведения.

Ключевые слова: словарь «Китайская философия», М.Л. Титаренко, китайская мысль, российская синология, «гнезда репрезентаций», культура словарно-справочного издания.

Автор: Юркевич Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). ORCID: 0000-0002-5498-9286. E-mail: yurkevich@mail.iccaras.ru

А. Г. 尤尔克维奇

科学史翻过的一页还是俄罗斯汉学的生动经验？《中国哲学》百科词典 30 周年纪念

摘要: 本文展示了 1994 年出版的《中国哲学》百科词典的创新性，揭示了该词典创作过程中所验证的理论和方法论编写办法的意义，以及它对《中国精神文化》百科全书 (2006–2010) 编写的基本注释。该词典的优势得到了体现——俄罗斯和西方汉学材料的覆盖面空前广泛，包括在词典中反映了中国以外中国哲学研究的历史以及世界文化最大代表对中国思想现象的观点；在编纂词典时采用了从“巢”词法概念

的外推到中国精神文化现象表现的层次结构的方法。本文揭示了该词典的不足及其原因、其创作过程中遇到的困难以及导致该出版物知名度和需求较低的因素，展示了利用该词典编写经验发展俄罗斯汉学的可能性。

关键词：《中国哲学》词典； M·L·季塔连科； 中国思想； 俄罗斯汉学； “表象之巢”； 词典和参考书文化

作者：亚历山大·根纳季耶维奇·尤尔克维奇，历史学副博士，副教授，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所当代中国史及中俄关系部首席研究员。E-mail: yurkevich@mail.iccaras.ru

Alexander G. Yurkevich

Turning a Page of History or the Lived Experience of Sinology in Russia? On the 30th Anniversary of the Encyclopedic Dictionary “Chinese Philosophy”

Abstract: The article demonstrates the innovative nature of the encyclopedic dictionary “Chinese Philosophy” published in 1994. It emphasizes the significance of theoretical and methodological approaches tested during the creation of the dictionary, as well as the value of its basic glosses for the preparation of the encyclopedia “Spiritual Culture of China” (2006–2010). The merits of the dictionary are showcased, including its unprecedentedly broad coverage of material for domestic and Western sinology achieved in part by reflecting in the dictionary the history of studying Chinese philosophy outside of China and the views of major representatives of world cultures on the phenomenon of Chinese thought. The article also discusses the use of methods in compiling the dictionary that were based on extrapolating the lexicographic concept of a “nest” onto the hierarchy of representations of phenomena in the spiritual culture of China.

The shortcomings of the dictionary and their causes are revealed along with the difficulties that arose during its creation, and the factors contributing to its relatively low level of public recognition and demand. The article highlights the potential for applying the experience gained in preparing the dictionary to the development of domestic Sinology.

Keywords: Dictionary “Chinese Philosophy”, M.L. Titarenko, Chinese thought, Russian sinology, “nests of representations,” culture of dictionary and reference edition.

Author: Yurkevich Alexander G., Candidate of Science (History), Associate Professor, Leading researcher of the Center for the Study of Contemporary History of China and its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS). ORCID: 0000-0002-5498-9286. E-mail: yurkevich@mail.iccaras.ru

На фоне 40-летия «Большого китайско-русского словаря» под редакцией И.М. Ошанина, которое отмечали российские синологи в 2023 г., потерялась 30-летняя годовщина вышедшего годом позже другого справочного Китаеведческого издания – энциклопедического словаря «Китайская философия» (КФ).

Ни по объему, ни по популярности этот труд не идет ни в какое сравнение с БКРС. Если четырехтомник профессора Ошанина и его соратников необходим практически всем, кто работает с китайским языком или осваивает его, то к одностомному словарю «Китайская философия», и то на определенном этапе профессионального роста и отнюдь не регулярно, обращаются исключительно те, кто имеет дело с изучением истории китайской мысли, традиционных аспектов китайской культуры либо их места в культуре современности. Хотя среди его пользователей есть не только профессиональные китаеведы, но и гуманитарии других специализаций, не чуждающиеся компаративистики, а также «продвинутые» ценители китайской культуры, даже их общее число не сравнимо с массой тех, кто повседневно пользуется бумажной либо электронной версией БКРС.

К тому же словарь КФ (далее – Словарь) изначально не был лишен существенных недостатков, а по многим параметрам морально устарел уже через несколько лет после опубликования. Да и заменить его, хотя бы отчасти, вполне есть чем. Давно вышли в свет шесть томов энциклопедии «Духовная культура Китая» (2006–2010) – фундаментального академического проекта, трое руководителей которого стали лауреатами Государственной премии РФ в 2010 г. Первый том энциклопедии, посвященный китайской философии (2006), уступает Словарю числом глосс (330 против 939), зато намного превосходит его уровнем систематизации и организованности материала (благодаря проблемным вводным статьям «Общего раздела», предворяющего собственно «Словарный раздел», состоящий из расположенных в алфавитном порядке глосс), выверенностью текста (за счет исправления, дополнения или коренной переделки статей, в той или иной степени заимствованных из Словаря), а также качеством справочного аппарата, который в Словаре представлен в весьма примитивном виде.

И тем не менее два словаря – «ошанинский» и «Китайская философия» – имеют кое-что общее. Тот и другой были новаторскими проектами, успешное завершение которых долгое время оставалось под вопросом. На этих проектах «обкатывались» методологические принципы и практические технологии, бывшие тогда далеко не банальными даже для маститых профессионалов (о новациях в словаре под редакцией И.М. Ошанина см. [Стабурова, 2023, с. 102–104]). Оба словаря рассматривались создателями с позиций практического смысла для пользователей – китаеведов профессиональных и начинающих. К тому же и тот и другой доступны в сети и об их востребованности давно нельзя судить по числу переизданий на бумаге¹.

Чтобы установить, в какой степени были реализованы замыслы китаеведов, формировавших концепцию Словаря и готовивших его к публикации, оценить его значение в истории отечественной синологии и роль в ее развитии, необходимо учесть обстоятельства его создания, особенности формирования концепции и характер трудностей, возникавших в ходе работы над ним в 1986–1994 гг.

¹ Словарь «Китайская философия» ни разу не переиздавался. Но его легко найти в открытом доступе в сети. См., например: Китайская философия. Энциклопедический словарь // Наука. Искусство. Величие. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/chinese-philosophy/fc/slovar-200.htm#zag-175> (accessed: 12.11.2023); Китайская философия. Энциклопедический словарь. URL: <https://1061.slovaronline.com/> (accessed: 12.11.2023).

Рождение замысла

Как известно, «ошанинский» словарь стал продолжением тех проектов, над которыми работал еще академик В.М. Алексеев (см. [Стабурова, 2023, с. 105–114; Черникова, 2023, с. 135–137]). Словарь «Китайская философия» обязан своим выходом в свет другому академику – выдающемуся организатору отечественной востоковедческой науки Михаилу Леонтьевичу Титаренко (1934–2016), который стал главным редактором этого издания.

Автор познакомился с ним, когда будущий академик еще не был даже членкором и трудился в Международном отделе ЦК КПСС. Я тогда служил в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука», располагавшейся на Рождественке, на первом и цокольном этажах здания Института востоковедения АН СССР, совсем недалеко от Старой площади, где гнезился коллективный разум партии. Ковровые дорожки коридоров ЦК по пути в кабинет Михаила Леонтьевича я в 1983–1985 гг. периодически топтал по служебной надобности: сначала редактировал весьма неоднозначную по нынешним меркам книгу Ян Хин-шуна «Материалистическая мысль в Древнем Китае» [Ян Хиншун, 1983], ответственным редактором который был М.Л. Титаренко, а потом – его собственную монографию «Древнекитайский философ Мо Ди и его школа» [Титаренко, 1985].

Редакционная подготовка книги о моистах близилась к завершению, когда удовлетворенный ходом работы автор сообщил мне о некоем предложении, которое непременно мне от него поступит – но несколько позже. Что имелось в виду, я узнал в 1986 г., после назначения Михаила Леонтьевича и.о. директора Института Дальнего Востока АН СССР.

Оказалось, что речь шла о моем участии в подготовке русскоязычного словаря по китайской философии. Контуры идеи поначалу были довольно общими: Михаил Леонтьевич положил передо мной два китайских словаря – один был кратким популярным, другой – томом «История китайской философии» [Чжэсюэ да..., 1985] из изданной в Шанхае шеститомной серии «Большой философский словарь», и выразил намерение сделать нечто подобное на русском языке.

Мне было предложено перейти на работу в ИДВ. Там я стал ответственным секретарем редколлегии Словаря и сначала принял на себя обязанности по организации работы над подготовкой концепции, словника и плана-проспекта, а впоследствии устанавливал контакты с авторами и редактировал их тексты.

Изначально идея Словаря встретила, мягко сказать, настороженное отношение у коллег по ИДВ. Аналогов предполагаемой публикации на европейских языках не существовало (об истории справочных и обобщающих изданий по китайской мысли и культуре на Западе см. [Кобзев, 2006, с. 37–38]). В Институте на тот момент по отдельным областям китайской философии специализировались три человека. Помимо директора это были Виталий Федорович Феоктистов (1930–2005), заведующий отделом и сектором, в которых я состоял, автор монографии о «неформатном» конфуцианце IV–III вв. до н.э. Сюнь-цзы и переводчик одноименного трактата, а также Леонард Сергеевич Переломов (1928–2018), изучавший тексты древнего

конфуцианства и легизма. Общественной мыслью первой половины XX в. занимались Сергей Романович Белоусов (1957–1995) и Марина Анатольевна Асланова (1937–1998), остальные сотрудники отдела обращались к китайской интеллектуальной традиции факультативно, в ходе исследований современных проблем идеологии и культуры. И ни у кого не было уверенности в том, что от них не станут требовать невозможного.

Впоследствии эти опасения ослабли, хотя и не сошли на нет. От исполнителей не ждали большего, чем позволяла их зафиксированная предшествующими работами специализация. Получая плановые задания, каждый на законных основаниях мог не выходить за рамки освоенной проблематики – и, как правило, не пытался выйти. В последующие годы приглашение в ИДВ отдельных специалистов по китайской мысли ситуацию существенно не изменило.

Немногие решились поучаствовать и в формировании концепции издания. Она выстраивалась постепенно, в несколько этапов и в разных вариантах, в течение по крайней мере двух лет – с 1986 по 1988 г.

В самом начале работы нашлись активные сторонники у предложения перевести один из китайских философских словарей на русский язык и либо опубликовать перевод полностью, либо взять его за основу будущего издания. Дабы увидеть, как будут выглядеть русские версии статей из китайских словарей, репрезентативная подборка таких статей была отдана на перевод китаистам из системы иновещания («Московское радио»), среди которых были в то время и специалисты по истории китайской мысли². Те ожидаемо успешно с работой справились.

Впоследствии коллеги-переводчики обоснованно обижались на то, что редколлегия словаря обошла их вниманием, когда перечисляла участников работы на обороте титульного листа, и даже во введении не упомянула об их роли в подготовке нового издания. Упомянуть и поблагодарить, конечно, надо было. Особенно стыдно перед Федором Степановичем Быковым, автором первой в стране обобщающей монографии о древнекитайской философии [Быков, 1966]: из-за бюрократического каприза в Словарь не попала даже биографическая справка о нем. Но, к сожалению, переводы китайских глосс, хотя и некоторым образом способствовали формированию концепции словаря, никакого влияния на процесс его создания не оказали. И корень проблемы был отнюдь не в низком качестве переводов.

Китайские и русские специальные толковые словари предназначены для принципиально разных лингвокультурных коммуникационных сред. Это не беда, если речь идет о современной тематике или о трансляции русских статей на китайском языке, что показал впоследствии достаточно успешный опыт перевода энциклопедии ДКК в Китае. Но различия становятся разительными, когда имеет место перевод словарных статей по китайской традиционной мысли с китайского языка на русский.

Такие статьи наполнены цитатами из философских сочинений. В глоссах словарей 1980-х годов, как в значительной степени и в некоторых современных изданиях, текст состоит из тезисов-констатаций, каждый из которых или их комбинации либо обильно подкрепляются цитатами, либо представляют собой пояснения к цитатам.

² Это в первую очередь Ф.С. Быков и В.Ф. Федорук.

Поскольку до начала XX столетия китайская наука пользовалась традиционным понятийным аппаратом и старым литературным языком *вэньянем*, в подавляющем большинстве статей, посвященных китайской философии, цитируются именно памятники на *вэньяне*, не воспринимаемом на слух и имеющем мало общего с современным языком. Иногда авторы статей могли даже не утруждать себя формулированием тезиса и после краткого вводного оборота сразу обратиться к цитате: «А также [такой-то] считал, что „...“». Это подразумевало, что читатель сам легко поймет мысль древнего или средневекового мудреца. Здесь от автора требовалось особое искусство подбора цитируемых отрывков. Выдержка на *вэньяне* должна быть такой, чтобы она могла быть прочитана и понята современным выпускником китайской школы, классический письменный язык не изучавшим, да еще воспринята в некоем конвенциональном толковании – читателя-китайца нужно было только подтолкнуть в требуемом направлении.

Китаеводам о возможности разных трактовок одного и того же философского текста на *вэньяне* хорошо известно. Еще средневековые китайские ученые спорили о «действительном» смысле письменного высказывания того или иного мыслителя даже не слишком удаленной от них эпохи, приходя к принципиально несхожим выводам. Если любой перевод – это интерпретация (объяснение), требующая понимания контекста от переводчика, то для уяснения смысла отрывка философского памятника, переведенного с *вэньяня* на другие языки, определенные интерпретаторские усилия нужно приложить и читателю, который должен быть хоть сколько-нибудь сведущ в философском контексте – той проблематике, которая занимала создателя цитируемого памятника. Это знание отчасти призвано заменить комментарии переводчика, в нашем случае автора статьи, содержащей цитату. И тот всегда обращается к некоему предполагаемому культурному бэкграунду читательской аудитории.

Создатели статей для китайских словарей естественным образом ориентировались на читателя-соотечественника и на родные же руководящие инстанции. При этом на характер и стиль историко-философских описаний, выполненных китайскими учеными, накладывали отпечаток обязательные для официальной марксистской школы разграничения материализма и идеализма, «прогрессивного» и «консервативного/реакционного». Таким подходом к науке советских людей было не удивить. Но в начале 80-х годов его как минимум недостаточность и потребность в расширении методологических рамок гуманитарных и общественно-научных исследований остро ощущали даже не самые молодые отечественные ученые. В китайских же словарных статьях идеологическая заданность проявлялась существенно отчетливее. В них, как правило, не уделялось внимания этимологии философских понятий, интерес к которой давно стал нормой для словарей на европейских языках, и тем более отсутствовали попытки сопоставить традиционный китайский понятийный аппарат с античным и западным. О дистинкции этапов эволюции того или иного философского понятия чаще всего можно было судить по подбору персоналий, трактовавших это понятие в разные эпохи, а заключения о тенденциях, которым такое развитие подчинялось, и о его логике часто отсутствовали, не считая разве что констатаций о дрейфе в сторону идеализма или материализма.

Вместо привычных западному читателю хронологических вех в виде веков и годов (исключениями были даты жизни и смерти) в глоссах содержались указания на династийный цикл – «танский Хань Юй», «минский Ван Шоужэнь» и т.п. Беда вроде бы небольшая – вставить в текст «нормальное» обозначение хронологических вех трудности не составляет. Другое дело, что временная привязка на китайский манер, хотя и выглядит расплывчатой, заведомо предполагает ассоциацию со знакомой читателю-китайцу исторической культурной реальностью. Понятно, что от пользователя, которому не повезло быть ни уроженцем Китая, ни китаеведом, специализирующимся на изучении традиций, аналогичного отклика ожидать не приходится. Для других читателей стандартная хронологическая маркировка посредством годов и веков должна сопровождаться отчетливым определением изменений в толковании рассматриваемых понятий, а также причин и смысла этих изменений. Ясно, что понимание каузальных связей в данном случае тоже требует знания историко-культурной специфики момента, но это знание сопряжено с существенно иными «нормативными» ассоциациями, нежели у китайского читателя.

Задачу переводчиков осложняла пресловутая полисемия иероглифов, точнее, широта семантических полей, образуемых каждой лексемой, которая обозначена иероглифом, в корреляции с другими лексемами, а также то обстоятельство, что русские эквиваленты многих важных понятий китайской философии и традиционной науки тогда еще не устоялись. Даже базовые термины нередко переводились так, что могли становиться совершенно неузнаваемыми в русском тексте. Это делалось и поныне иногда делается по принципиальным теоретическим соображениям, в русле герменевтических подходов к переводу, что по факту участь читателя не облегчает. Квалифицированные переводчики, взявшиеся помогать ИДВ и выполнившие свою работу, по общим меркам, вполне качественно, излагали смысл переводимого материала каждый по своему усмотрению. Если же переводчик еще и не очень хорошо представлял себе те концепции, о которых шла речь в статье, а также проблемы их историко-философского истолкования, то китайский оригинал становился единственным средством понять, о чем там на самом деле идет речь. Это касалось и цитат, по переводам которых трудно было судить об их философском смысле и даже о том, какие именно китайские термины в них присутствовали.

И уж вовсе не было в китайских словарях необходимых в академическом издании на русском языке списков литературы к глоссам, которые позволяли бы узнать о надежных источниках информации по теме, проследить историю изучения соответствующей персоналии, идейного течения, школы, трактата или понятия.

В итоге подходы к содержанию и организации словарного текста, принятые в китайской академической и издательской культуре того времени, редколлегии не устроили. Необходимо было наметить такую систему требований к контенту и структуре, которые позволили бы создать книгу, удовлетворяющую потребностям отечественного читателя. Это становилось возможным благодаря изменениям, происходившим в советской науке в 1980-е годы, а также накопленному в стране опыту реализации энциклопедических и словарных проектов.

Подготовка концепции и глоссария

Начало заката эпохи политического и социально-экономического эксперимента, развернутого в 1917 г., в конце 1970-х – 1980-е годы ознаменовала вспышка неконформистской в идейном и методологическом планах исследовательской активности в гуманитарных и общественных науках. Не обошла эта тенденция и востоковедение.

Наверняка представителям разных сегментов академической «лирики» – в смысле стандартного для позднесоветских времен противопоставления гуманитарных занятий бездушной «физике» – более всего запомнились разные проявления этой тенденции. В Китаеведении для автора этих строк она имела несколько ярчайших воплощений. В первую очередь это первые книги из серии по истории китайского этноса, публиковавшейся с 1978 по 1993 г. группами авторов, перечень которых по алфавиту всегда открывал блистательный историк и лингвист Михаил Васильевич Крюков [Крюков..., 1978; Крюков..., 1979; Крюков..., 1983; Крюков..., 1984; Крюков..., 1987; Крюков..., 1993]. Новые веяния проявились и в переводческом творчестве Владимира Вячеславовича Малявина, приоткрывшего книголюбам вход в пространство даосской мудрости через герменевтический портал Хайдеггера–Рикера–Гадамера [Малявин, 1985], и в логической отшлифованности построений Артема Игоревича Кобзева, который перенес китайскую философию из топорной марксистской рамки в систему выверенного анализа культурных констант и исторически изменчивых структур, а понятийный аппарат китайской мысли представил ключом к специфике всей духовной культуры Китая [Кобзев, 1983]. В 1980-е годы получили известность работы вполне молодых тогда исследователей китайской традиции, десятилетием позднее ставших признанными мэтрами отечественной синологии, таких как Евгений Алексеевич Торчинов (1956–2003), Марина Евгеньевна Кравцова, чуть позже Александр Владимирович Ломанов – и не хочется обижать сакраментальным «и др.» целый ряд ярких Китаистов, начинавших свой путь в науке в тот же период. Поколение сиологов, «разменявших тридцатник» к началу и в период 1980 – начала 1990-х годов, внесло более чем весомый вклад в создание и концепции, и самого корпуса Словаря.

Что касается подготовки глоссария, то за основу здесь были взяты результаты статистической обработки материала двух китайских изданий (упомянутого выше шанхайского и краткого популярного) на предмет выяснения соотносительных объемов глосс. Это должно было помочь с определением иерархии соответствующих реалий с точки зрения китайских специалистов. Такая работа шла довольно долго – в докомпьютерную эпоху применение количественного анализа было делом мешкотным, а для использования тогдашних IT-мощностей ИДВ надо было становиться в очередь. И вообще применение вычислительной техники казалось делом темным и для средних гуманитарных умов не предназначенным.

В результате обчетов были выделены глоссы четырех уровней, от самых пространственных до кратких, и самые краткие были исключены. Получившийся список из примерно 600–700 глосс неоднократно подвергался коррекции. Какие-то имена, названия и термины были сочтены неважными, иногда просто в силу того, что были

знакомы не всем членам редколлегии. Как оказывалось впоследствии, «резали» словник не всегда обоснованно.

Зато он был существенно пополнен в ходе формирования концепции Словаря. Она складывалась главным образом в процессе консультаций с ученой молодежью Института востоковедения АН СССР и других академических учреждений и вузов.

В результате в Словарь были включены глоссы, отражавшие полноценно философский статус ряда реалий, относящихся к сфере религии, как интеллектуальных, так и институциональных, их влияние на эволюцию философской мысли. И не только тех, что однозначно определялись как даосские и буддийские, но и таких, которые отражали взаимодействие разных духовных и интеллектуальных традиций, а также «книжной» и общенародной культуры (позднее в энциклопедии ДКК глоссы, посвященные учениям и практике религиозных сообществ, в том числе синкретических, были перенесены из «философского» тома в тот, что посвящен религии и мифологии). Значительное число глосс отразило принципиальное отсутствие в китайской интеллектуальной традиции отчетливой грани между философией и наукой, общественной мыслью и теоретизированием в отдельных областях государственно значимой деятельности – политическом управлении, военном деле и т.п. (статьи о мыслителях, известных как деятели традиционной науки, теоретики военного дела, искусства и т.п., в ДКК тоже содержатся не в т. 1 «Философия», а в других специализированных томах).

Приобретавшие в 1980-е годы популярность компаративистика и цивилизационный подход на фоне входящего в моду ракурса «Восток – Запад» обусловили включение в глоссарий не только имен синологов, изучавших китайскую мысль, но и выдающихся деятелей мировой культуры, которые высказывались о китайской мысли и цивилизации. Поводом для присутствия в словнике становилось даже опосредованное участие той или иной персоны в китайско-западном взаимовлиянии (например, Судзуки Дайсэцу Тэйтаро, который пропагандировал дзэн-буддизм и тем самым распространял идущие из Китая чаньские идеи) либо отражение китайских концептов в собственных построениях западных мыслителей (от физиократов XVIII–XIX вв. до Ясперса с Хайдеггером). Увлеченность компаративными сюжетами привела к некоторым излишествам – как причастных к европейско-китайскому культурному обмену в список сгоряча внесли Марко Поло и европейских послов, оставивших записки о своих поездках к монгольским правителям Китая в XIII в. Такой вектор формирования концепции издания в определенной мере стал следствием контактов с сотрудниками ИВ АН СССР, в том числе тех, кто был вовлечен в обещающий стать фундаментальным проект «Энциклопедия Азии»³, который возглавлял видный индолог Леонид Борисович Алаев (1932–2023). Когда начиналась работа над Словарем, проект Леонида Борисовича переживал нелегкие времена, что очень его расстраивало, и контакт с ним не получился: неуклюжую попытку комплимента он принял за издевку над трудностями коллектива. Однако сотрудница сектора «Энциклопедии Азии» чудесная Наталья Ивановна Фомина (1932–2012), коллега-китаевед, нашла

³ В его рамках вышла, кажется, только «Энциклопедия Пакистана» (Москва: Фундамент Пресс) в 1998 г.

возможность посвятить меня в азы практической работы по подготовке энциклопедических изданий. От нее я впервые узнал и о технологии этого дела, и о связанных с ним проблемах, с которыми впоследствии столкнулся сам.

Большим подспорьем в плане редакционно-издательских и академических премудростей, прежде всего касающихся определения структуры статей о реалиях философской мысли и обязательных компонентов контента, стал «Философский энциклопедический словарь», вышедший в 1983 г. Он был подготовлен в редакции философии издательства «Советская энциклопедия». В начале 1980-х ценность древней и средневековой философии все еще было принято определять с точки зрения их роли в развитии западной мысли, давшей миру окончательную истину в лице диамата, а восточные интеллектуальные традиции воспринимались как некие отклонения от магистральной линии, зашедшие в тупик на рубеже древности и средневековья и значимые в той мере, в какой совпадали с общими «прогрессивными тенденциями». Тем не менее уже в первое издание ФЭС вошло некоторое число статей о восточных философиях, авторы которых злостно нарушали каноны идейно-методологического благолепия хотя бы отсутствием дежурных дисклеймеров по поводу мистики и идеалистических тенденций в восточной мысли, не говоря о подаче материала вовсе не по принципам истмата. В переиздании ФЭС 1989 г. число статей по восточной тематике было существенно увеличено.

Руководил подготовкой словаря, как и философских разделов всех энциклопедий и словарей издательства, заведующий редакцией философии Наум Моисеевич Ланда (1928–1998). Он поразил меня сочетанием эрудиции, интеллигентности, такта и тех трудноопределимых по отдельности качеств, которые по совокупности лучше всего укладываются в характеристику «умница». Не знаю, где этому можно было научиться, но на вопросы невежд он умел отвечать удивительно точно, емко и понятно. Во всяком случае, в мое вроде бы сложившееся редакторское мировоззрение он внес весьма существенные коррективы. Редакционные инструкции, касавшиеся требований к содержанию и структуре статей, оказались не столько средством достижения внешнего единообразия и «какой-то» упорядоченности, сколько отражением принципов осмысления сущности и функций тех реалий, о которых должна была идти речь. Разумеется, эти инструкции были взяты за образец при подготовке Словаря.

А вот выработка подходов к редактированию статей требовала еще и некоей системы общих установок, которая определялась бы спецификой китайской философской традиции и помогала прояснять эту специфику для читателей. И здесь неоценимым подспорьем стали теоретико-методологические разработки, почерпнутые за пределами Института Дальнего Востока.

В беседе с Н.М. Ландой я, оценивая отношение ряда некоторых невольных участников проекта к его перспективам, позволил себе намек на притчу о Ходже Насреддине, который брался научить ишака грамоте за 20 лет. У среднеазиатского пройдохи был расчет на то, что к дедлайну из игры гарантированно выйдет либо ослик, либо заказчик-эмир. Наума Моисеевича я тогда рассмешил, но на ход дел с подготовкой Словаря такие настроения влияли довольно грустным образом. К счастью, организаторский талант М.Л. Титаренко и его административный ресурс – значительный, но

далеко не безграничный, тем более в отношении неподведомственного ему академического пространства, были подкреплены энтузиазмом и бескорыстием китаеведов из самых разных вузов и научных учреждений страны – настоящей советской самодеятельностью.

Точкой сопряжения интересов по крайней мере историков китайской философии и традиционной науки тогда становился Институт востоковедения АН СССР, точнее – проводившаяся там с 1970 г. научная конференция «Общество и государство в Китае». К концу 1980-х годов ведущую роль в организации этого мероприятия начинал играть А.И. Кобзев. К нему уже тогда сходились нити творческих связей внутри той части синологического сообщества, которая частные исследовательские задачи ставила в контекст общей проблемы – определения специфики китайской культуры и цивилизации. По ранним работам А.И. Кобзева можно проследить ступени формирования его концепции философии как методологии культуры [Рыков, 2014, с. 15]. В своей первой монографии «Учение Ван Янмина и классическая китайская философия» (1983) он наметил концептуальный каркас системы взглядов на китайскую философскую мысль как интеллектуальный феномен, по отношению к которому неприменимы сложившиеся на западной почве конструкты, в том числе почитавшаяся в советской науке дихотомия «идеализма» и «материализма». Там же были представлены положения о «филологических» чертах китайской философии, о неизбежном сходстве методологии ее изучения с приемами исследования теологической литературы – в силу развития главным образом в русле комментирования канонов, о необходимости исследования семантики философских терминов наряду с системными терминологическими (понятийными) корреляциями, о проявлении идейных новаций в текстологических операциях китайских мыслителей [Кобзев, 1983, с. 17–46] – те особенности постижения китайской интеллектуальной традиции, которые должны были получить отражение в словарных статьях, посвященных и терминам, и персоналиям, и идейным течениям, и философским произведениям.

Указывая на принципиальную необходимость семантического анализа и отслеживания исторических изменений терминологических корреляций, А.И. Кобзев задал новую тогда для отечественной синологии парадигму исследований истории китайской философии. Еще в 1970–1980-е годы отечественные синологи могли разделять такие трактовки важнейших ее категорий, которые заводили в логический тупик попытки прояснения специфики китайской традиционной картины мира. Так, одно из важнейших в этой картине понятие вселенской субстанции *ци* 氣 всерьез рассматривалось как манифестация атомизма – выражение представлений о мирадах дискретных «частиц» (см. [Древнекитайская философия, 1972, с. 15, 312]). Эта трактовка несла на себе печать идеологической ангажированности и была популярна среди тех китайских ученых, которые находили в родной традиции аналоги достижений западной мысли, только немного более ранние, и с тем большим удовольствием, чем ближе эти достижения стояли к «прогрессивным» тенденциям развития философской мысли. В книге А.И. Кобзева обосновывалась принципиальная недискретность *ци* как «квазиматериальной единой общемировой субстанции» [Кобзев, 1983, с. 87], причем в соответствии с декларированным там же принципиальным подходом – посредством

анализа корреляций *ци* с другими категориями: «принципом» (*ли* 理), «Великим пределом» (*Тай ци* 太極), а в рамках параграфа, посвященного онтологическим предпосылкам и компонентам понятия «личность/тело» (*шэнь* 身) – с понятиями «семя-дух» (*цзин* 精), «Вселенная» (*юй чжоу* 宇宙), «космос» (*тянь ди* 天地), «дух» (*шэнь* 神) и «сердце-психика» (*синь* 心) [там же, с. 159–173]. Таким же образом – в системе понятийных корреляций – рассматривались и другие важнейшие компоненты терминологического аппарата китайской философии. Тем самым наглядно демонстрировались возможности предложенных автором исследовательских стратегий.

А в статьях А.И. Кобзева, опубликованных в ФЭС, можно было видеть, каким образом тот же подход реализуется в словарном формате. Расширенные версии этих статей, по сути, легли в основу корпуса Словаря и стали методическими ориентирами, определявшими характер редакторской правки остальных материалов.

Авторский коллектив и работа над текстами глосс

Было бы преувеличением утверждать, что теоретические и методологические предпочтения А.И. Кобзева абсолютно доминировали на всем протяжении работы над Словарем и их поголовно приняли авторы и члены редколлегии. Издание строилось на фундаменте сотрудничества разных поколений историков китайской мысли. Последнее обстоятельство отразилось, в частности, в тексте вводной статьи «О содержании словаря», представляющей собой зримую попытку компромисса между, условно говоря, «новаторами» и «консерваторами».

Эту компромиссность иллюстрируют отмеченные там шесть факторов специфики традиционной китайской философии и общественно-политической мысли. Формулировка первого из них – возникновение философии на ранней стадии общественного развития и недифференцированность форм общественного сознания, обусловившая «нерасчлененность форм его теоретического выражения» [Китайская философия, 1994, с. 5], – отражает уступку марксистской фразеологии, но как минимум не противоречит позднее одобренной А.И. Кобзевым метафоре, которую предложил Тейяр де Шарден, определивший китайскую культуру как «бесконечно усложненный неолит» [Духовная культура..., 2006, с. 44]. Второй тезис – о связи философской мысли в Китае с этикой и политикой (даже некоторой подчиненности им) – общее место для всех времен, а вот третий – о том, что в Китае философия была не «служанкой теологии», а «служанкой традиционности», и определение локально-культурной специфики этой характеристики целиком принадлежит А.И. Кобзеву [Китайская философия, 1994, с. 6; Духовная культура..., 2006, с. 44], благо что он был членом редколлегии, коллективное мнение которой призвана была воплотить эта статья. Формулировки четвертого положения – о «тенденции к рассмотрению предметов в их целостности, преемственности развития, взгляде на природу, человека и дух как на нечто органически объединенное..., акценте на факторах организованности и цельности в структуре реальности» как «специфической черте китайской мудрости» [Китайская философия, 1994, с. 6–7], скорее отражают предпочтения членов редколлегии, принадлежавших к старшему поколению. Пятый тезис – о специфике китай-

ского философского категориального аппарата, обусловленной его происхождением от многозначных автохтонных лексем, в противоположность тяготеющей к однозначности западной философской терминологии, которая в многоязычной Европе была порождена понятиями, почерпнутыми из греческого и латинского языков – излагает концепцию А.И. Кобзева (см. [Кобзев, 1983, с. 33, 44; Духовная культура..., т. 1, 2006, с. 71–72]). Шестой тезис – о вовлеченности Китая в международное культурное взаимодействие издревле, о проникновении в страну буддизма, а с Нового времени еще и западной культуры как наиболее заметных векторов этого взаимодействия – не теоретическая, а эмпирическая констатация, подчеркивающая особенности внешнего влияния на философскую и общественно-политическую мысль Китая и обосновывающая необходимость включения в словник глосс соответствующего содержания.

Весьма различались методологические предпочтения, научные интересы и специализации ученых разных поколений, принявших участие в написании статей для Словаря. Среди авторов были не только китаеведы – так, ряд глосс о русских мыслителях, включавших в свои рассуждения доступный им материал о китайской мысли и культуре, подготовлены известным специалистом по истории русской философии XIX–XX вв. Вячеславом Владимировичем Сербиненко; не были синологами и некоторые авторы статей о западных ученых. Всего в работе участвовали 54 автора, которых можно разделить на три большие группы: сотрудники ИДВ РАН, китайские ученые и коллеги из других научных учреждений и вузов нашей страны. Точно подсчитать, сколько статей из общего числа пришлось на каждую из групп, затруднительно – немало глосс стали продуктами кооперации, и аффилиации соавторов могли комбинироваться самым причудливым образом. Поэтому правильнее говорить о том, в написании какого числа статей участвовали представители каждой группы.

Из 54 авторов только 19 человек в период подготовки Словаря работали в ИДВ АН СССР / РАН или учились там в аспирантуре. Они участвовали в написании 286 статей – это несколько менее трети общего числа. Из них 63 статьи – главным образом о западных специалистах по истории китайской мысли и культуры – принадлежат религиоведу и археологу Павлу Михайловичу Кожину (1934–2016) или написаны им в соавторстве. П.М. Кожин, А.В. Ломанов, С.Р. Белоусов и автор этих строк вместе причастны к созданию 182 авторизованных статей из тех, что подписаны сотрудниками ИДВ. Алексей Александрович Маслов, Андрей Владимирович Виноградов и Виталий Федорович Феоктистов занесли на свой счет более десяти статей каждый.

Китайских историков философии в авторском коллективе числилось 12: Ань Циминь, Ван Сяоци, Ван Цзюньжэнь, Ли Си, Ма Чжэньдо, Мо Минчжэ⁴, Пань Фуэнь, Сюй Сухун, Сюй Юаньхэ, Тун Юйкунь, Хэ Чэнсюань и Юэ Йоу. Они участвовали в написании 188 статей. При редактировании мы старались сохранить авторский подход к материалу, принципиальные формулировки и определения, но так или иначе

⁴ Имя Мо Минчжэ, к сожалению, по недосмотру было пропущено в списке авторов на обороте титульного листа Словаря. Материалы еще двоих китайских коллег, Пань Пу и Фу Юньлуна, стали основой для глосс реферативного характера.

адаптировали китайские тексты к оптимальным для русскоязычного пользователя нормам научной коммуникации и понятийному аппарату. Поэтому не обошлось без стилистической и содержательной коррекции глосс, а также их структурной перестройки в соответствии с принятыми в издании нормами подачи материала. В значительной части эти глоссы, как принято в китайских словарных статьях, остались без списков источников и литературы, но в ряде случаев такие списки предоставлялись авторами или добавлялись в ходе редактирования.

«Внешние» по отношению к ИДВ авторы-соотечественники по отдельности или в соавторстве участвовали в создании около 200 статей. Так, 69 из них подготовлены А.И. Кобзевым, в основном индивидуально и в некоторой части в соавторстве. Больше всего глосс по даосской и буддийской тематике принадлежало питерцу Е.А. Торчинову – 37 статей. Выдающиеся количественные показатели их участия в проекте не в последнюю очередь объясняются совпадением «профильной» научной активности этих исследователей, нацеленной на широкие теоретические обобщения, с направленностью Словаря. Не у всех авторов персональные научные интересы в той же степени были конгруэнтны потребностям нашего издания, но мы остались благодарны всем, кто писал для Словаря не по служебной обязанности, а из искреннего желания поддержать проект. Помимо перечисленных выше коллег это Н.В. Абаев (1949–2020), Л.А. Березный (1915–2005), Е.А. Блинова, С.Ю. Врадий, М.Е. Ермаков (1947–2005), С.В. Зинин, А.Н. Игнатович (1947–2001), Н.М. Калюжная, М.Е. Кравцова, Ю.Л. Кроль (1931–2021), З.Г. Лапина (1934–2018), С.Ю. Лепехов, Л.Н. Меньшиков (1926–2005), С.П. Нестеркин, Л.Е. Померанцева (1938–2018), И.А. Профатилов, Е.С. Сафронова, Н.Г. Сенин (1918–2001), Е.Ю. Стабурова, Э.С. Стулова (1934–1993), Г.Д. Сухарчук (1927–2006) и Л.Е. Янгутов.

И все же авторы нашлись не для всех позиций словника. Неподписанных статей оказалось 315, примерно треть общего числа. Это, в частности, вынудило отказаться от списка авторов с указанием подготовленных каждым из них глосс. Хотелось как-то завуалировать курьезный факт засилия анонимов в Словаре при совсем не малочисленном авторском коллективе. По правде, сказалось и нежелание некоторых участников работы «светить» размер своего личного вклада.

Без подписи тогда оказались, в частности, глоссы о современных отечественных исследователях китайской мысли, представленные в виде кратких библиографических справок – таких насчитывается около 60. Фактически это выписки из справочников, которые считать авторскими материалами было бы неловко. Есть такие мини-справки и среди глосс о зарубежных ученых. Но главная причина анонимности – нехватка желающих взять на себя написание материала. Парадоксальным образом этот «кадровый голод» отчасти был вызван как раз ответственным отношением коллег к своему делу.

Например, внешне соответствующая общим нормам оформления и требованиям к содержанию, снабженная библиографическим списком статья не самого маленького объема могла остаться без подписи, если автор не счел возможным заявить о своей компетентности в данном аспекте китайской мысли – без авторизации остались десятки таких статей. В некоторых случаях в конце текста значится: «статья написана

на основании материалов такого-то» или «таких-то», т.е. констатируется, что основой данного реферативного изложения являются публикации определенных специалистов, работы которых перечислены в списке литературы к статье. Пометка «по материалам того-то» могла относиться к тексту, переданному редколлегии для опубликования, но сочтенному не вполне пригодным в качестве авторского материала – например, из-за необходимости многочисленных добавлений и принципиальных исправлений. Даже если тот, кто выполнял реферат, считал возможным поставить под статьей свое имя, т.е. взять на себя ответственность за достоверность материала, он тем не менее предупреждал читателя, что последний имеет дело все-таки с реферативным изложением – в скобках отмечал, что основой глоссы являются публикации нескольких исследователей. Остались без подписи и те глоссы, источники которых представляли собой главным образом материалы из словарно-справочных изданий, в том числе зарубежных.

Такие статьи пришлось составлять в массовом порядке в 1990–1993 гг., когда редколлегия встала перед дилеммой – либо объявить о невозможности завершения проекта, либо довести его до конца за счет анонимных материалов реферативного характера.

Что не получилось и почему

Нехватка квалифицированных авторов, согласных принять участие в проекте, была не единственной причиной ошибок и промахов, допущенных в ходе его осуществления. Некоторые из них стали следствием других факторов.

Например, недостаточной продуманности замысла издания и организационных упущений.

Словарь по определению должен был стать не книгой для вдумчивого прочтения «от корки до корки», а справочным изданием, в котором возникает потребность в том случае, когда кто-то сталкивается с требующим разъяснения термином, неизвестной персоналией или названием. Соответственно, пользователи должны были обращаться к Словарю в основном в двух случаях: во-первых, когда кто-то, не будучи китаистом, встретит упоминания о малоизвестных реалиях и захочет получить о них необходимую информацию; во-вторых, если некий китаист наткнется в иероглифическом тексте на неизвестные ему имена, термины и названия, относящиеся к истории китайской мысли, но не будет иметь доступа к не столь частым в наших библиотеках китайским специализированным словарям (сетевые ресурсы как источник информации тогда рассматривались разве что в футуристических проектах). При этом имена исследователей китайской философии и тем более персоналий, имевших к ней отдаленное отношение, обе категории пользователей стали бы искать в словаре в последнюю очередь. То, что показалось редколлегии интересным с точки зрения исследовательских задач, в справочном издании было изначально избыточным.

Что касается второй категории пользователей, то им очень кстати пришелся бы иероглифический указатель, а лучше – система указателей. Но словарь создавался в эпоху металлического набора, когда с китайскими шрифтами и тем более с набор-

щиками, которые имели бы соответствующие навыки, ситуация в стране была напряженной. Структуру и логику контента читателю могли бы прояснить, во-первых, вводные статьи проблемного характера, посвященные разным разделам словаря – отдельным аспектам китайской философской традиции, истории ее изучения и идейно-культурных контактов Китая, во-вторых, вынесение не китайских персоналий в отдельный раздел, а также развернутое содержание (оглавление), которое бы открывало текст – тогда читателю сразу становилось бы понятно, чего ожидать от издания (в существующей версии оглавления нет вообще). Однако концепция обобщающих проблемных статей в справочном издании была реализована много позже – в 2000-е годы в энциклопедии ДКК, а в отсутствие таких статей оглавление показалось ненужным.

В организационном плане делу могло помочь назначение ответственных за отдельные участки работы из числа членов редколлегии или сотрудников ИДВ. Обезличенная ответственность вела к затягиванию сроков подготовки Словаря. Но желающих взять на себя дополнительную нагрузку не нашлось.

Тем более что через пару лет после начала работы возможности материального стимулирования участников проекта резко снизились, а к рубежу десятилетий сошли на нет. На качестве подготовки Словаря не могли не сказаться особенности ситуации в стране в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда рукопись готовилась к сдаче в издательство и проходила редактирование. На сломе эпох государственные и общественные структуры стали функционировать менее эффективно. Хотя для кого-то и возникали новые возможности, но работать в рамках старых институций стало труднее.

Главная проблема в тот период – отсутствие должной экспертизы и верификации текстов. У членов редколлегии оказалось много других забот – почти все они были руководителями подразделений, и отправлявшиеся им на проверку рукописи возвращались в лучшем случае с парой-тройкой незначительных поправок. Не была использована и такая форма работы над текстом, как коллективное обсуждение, возможно, потому, что в начале 1990-х годов начальство предпочитало отдавать только те распоряжения, в исполнении которых могло быть уверено, а заставить кого-то внимательно прочесть несколько десятков авторских листов и в лучшие времена было непросто. Кто-то оказался излишне самонадеян – например, автор этих строк. Не могу простить себе, что, осерчав на занятых членов редколлегии, заодно отказался от помощи в вычитке статей, которую предлагал П.М. Кожин, светлая ему память. Огрехов могло быть существенно меньше.

Помимо того, что авторы и референты допускали промахи в трактовке и изложении каких-то фактов истории китайской философии и культуры, и здесь без скрупулезной профессиональной экспертизы мало что можно было сделать, они, как и те, кто редактировал их тексты, не обходились без оговорок и опечаток, которые можно было исправить, организовав перекрестную вычитку материала силами сотрудников ИДВ. Только нелепой опиской можно объяснить утверждение о том, что китайские мусульмане преимущественно исповедуют ислам шиитского толка [Китайская философия, 1994, с. 139] – как оказалось, это и была в чистом виде случайная аберрация,

причем нелепица тогда осталась незамеченной, поскольку мало кто рукопись статьи и пытался прочесть. Опечатки, допущенные машинисткой (возможности, которые предоставляют персональные компьютеры, большинству гуманитариев тогда могли только пригрезиться), превращали две позиции библиографического списка в одну либо «просто» искажали библиографическое описание, и тогда возникало виртуальное издание, не имевшее аналога в природе; менялись инициалы авторов, годы жизни годы достойных людей и т.п. – и все это в массовом порядке.

К сожалению, не слишком исправило ситуацию редактирование текста в издательстве «Мысль» (услуги Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» оказались Институту не по карману, даже несмотря на финансовую помощь, которую предоставил на издание *Chiang Ching Kuo Foundation for International Scholarly Exchange*). Не исключаю, что у издательского редактора были какие-то личные причины, мешавшие всерьез принимать мои просьбы, рекомендации и напоминания, даже прямые протесты. Но там, где в наборе, выполненном, мягко сказать, в бюджетном варианте, отсутствовали пробелы между статьями, что затрудняло различение отдельных глосс, это отсутствие сохранится до тех пор, пока не истлеет последний экземпляр Словаря, а историк китайской философии Аполлон Александрович Петров (1907–1949) так и останется *Аполоном*. Любое предложение что-то поправить в тексте или изменить вариант редакторской правки вызывало чрезвычайно болезненную реакцию и упорнейшее сопротивление милой в других отношениях дамы. Время для всех было нелегким.

Ошибки в статьях Словаря я находил в течение многих лет после его выхода в свет. Со временем такие поиски прекратил – за бесперспективностью. Знаю, но не скажу, кто настоял на выпуске сразу 10-тысячного тиража, от чего, как предполагалось, Институт должен был получить необычайную финансовую выгоду. Это решение поставило крест на надеждах когда-либо добиться переиздания – с исправлениями и дополнениями.

Тот первый тираж не распродан до настоящего времени.

И все же польза от Словаря, даже увидевшего свет не в самые удачные времена и не в самом лучшем виде, была и есть. Его так применяли и применяют в деле, а работа над ним стала источником ценного опыта – как позитивного, так и отрицательного – и получила продолжение в более крупном китаеведческом проекте.

Словарь «Китайская философия» как фундамент энциклопедии «Духовная культура Китая»

Прежде всего, Словарь предоставил энциклопедии ДКК (далее – Энциклопедия), помимо опыта, материализованного в его тексте, также весомую, в несколько десятков печатных листов, заготовку, своего рода черновик для тома «Философия» – потому тот и был опубликован первым. В некотором роде, этот том стал тем самым «исправленным и дополненным» изданием, при подготовке которого были учтены основные недостатки Словаря и его отдельных статей. Причем дополнения весьма весомы даже в количественном выражении: хотя в т. 1 Энциклопедии почти в три

раза меньше глосс, он больше Словаря по объему (80 учетно-издательских листов против примерно 72). Ряд статей из издания 1994 г. в измененном виде перекочевали в другие тома Энциклопедии.

Выявленные и проанализированные недостатки Словаря стали стимулом к развитию нового проекта, который отразил прогресс в изучении духовной культуры Китая, в определении ее принципиальной специфики, выявлении особенностей ее взаимодействия с другими мировыми культурными потоками.

Как известно, структуру Энциклопедии отличает сочетание словарного алфавитного принципа с проблемным подходом к изложению материала. Каждый том или тематический сегмент тома, посвященный определенной области духовной культуры, включает в себя, помимо «Словарного раздела» (глоссария), также предшествующий ему «Общий раздел» – обобщающие статьи⁵. Такая структура позволяет использовать тома Энциклопедии в качестве не только справочников, но и учебных пособий по различным областям китайской культуры. Теоретические концепции, предложенные синологами для объяснения специфики происходивших в Китае процессов, представлены главным образом в статьях «Общего раздела», а тенденции и проблемы, освещаемые в них, отражаются в концептах, которые раскрываются в глоссах «Словарного раздела».

Идея такой организации материала появилась после европейской командировки члена редколлегии В.Ф. Феоктистова, состоявшейся в 1994 г. или начале 1995 г. По возвращении он поделился своим негодованием по поводу реакции на наше детище со стороны работавшего во Франции известного нидерландского специалиста по даосизму Кристофера Скиппера (1934–2021). Мэтр демонстративно небрежно перелистал томик Словаря и снисходительно бросил: «Reference book!».

Тогда в редколлегии и родилась мысль о возможности предварить словарный текст обзорными концептуальными статьями. Когда в середине 1990-х годов началась работа над Энциклопедией, уже в первую концепцию издания вошло положение о двух ее разделах (см. [Юркевич, 2003, с. 196–197]). Любопытно, что та же идея совершенно независимо и не исключено, что еще раньше, возникла у А.И. Кобзева, в упомянутой беседе с В.Ф. Феоктистовым не участвовавшего. Артем Игоревич исходил из решений крупной международной синологической конференции в Неаполе (декабрь, 1986), где было намечено издание 10-томной «Энциклопедии китайской истории и культуры» с участием крупнейших китаеведов мира (см. [Кобзев, 2006, с. 40]). Детали неапольской задумки как-то прошли мимо внимания сотрудников и руководства ИДВ, к тому же она так и не была реализована. Идеи могут носиться в воздухе и почти одновременно оказываться в разных головах, но не везде они получают возможность воплотиться в жизнь – своего М.Л. Титаренко, благодаря которому стало возможным осуществление российского проекта, в иных странах и народах не нашлось.

Первоначально Энциклопедия задумывалась как один том, потом решено было готовить двухтомник, а в многотомник (из пяти, а затем и шести книг) она была раз-

⁵ В некоторых томах «Общий раздел» по объему сопоставим со «Словарным», а в томах «Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование» и «Искусство» даже вдвое превосходит его.

вернута после 2002 г., когда я оставил ИДВ и в проект пришел А.И. Кобзев. Впрочем, принципиальной идеи функциональной взаимосвязи двух разделов эти события не изменили, как и значимости выдвинутых Артемом Игоревичем теоретических положений и для Словаря, и для Энциклопедии.

Например, тезис о развитии китайской философии посредством изменения и обогащения коррелятивных связей между основными философскими категориями (базовыми понятиями) был уже в процессе создания Словаря экстраполирован на отношения между философскими концепциями и доктринами, а соответственно – и на идейные связи между мыслителями, школами и течениями философской, общественно-политической и научной мысли.

К поиску и уточнению корреляций между ними подталкивала сама традиционная схематизация китайской интеллектуальной и духовной традиции в виде базового конструкта «три учения» (*сань цзяо*). Предпосылки и этапы складывания компонентов этого конструкта – конфуцианства, даосизма и китайского буддизма, исторически формировавшиеся связи компонентов и отношения между их составляющими, в первую очередь, те, что вели к качественным изменениям, а также промежуточные и маргинальные элементы между отдельными компонентами плюс выраставшие из старых и привнесенные извне новые явления интеллектуальной жизни – все это должно было найти отражение в иерархии терминов, персоналий, письменных памятников, направлений и школ, концепций и доктрин, обозначенных «черными словами» – заголовками глосс разных уровней. Если лингвистические словари чаще всего формируются на основе гнезд слов, или словообразовательных гнезд (совокупностей однокоренных слов), состоящих из словообразовательных цепочек (последовательных рядов) и словообразовательных парадигм («пучков» однокоренных слов одной ступени производности от какого-либо «производящего» слова), то применительно к специализированным толковым словарям и энциклопедиям, независимо от порядка расположения глосс в них, стоит учитывать феномен, который можно назвать «гнездом репрезентаций». Это совокупность терминов, имен и названий, репрезентирующих явления и процессы, выявляемые внутри объекта изучения той научной дисциплины, которой соответствует тематика словаря. Подобно тому, как гнезда слов содержат словообразовательные парадигмы, «гнезда репрезентаций» включают в себя парадигмы разных уровней, представленные кластерами репрезентаций «производящих» явлений или процессов. Иначе говоря, важнейшие явления или процессы, обозначенные в обобщающем разделе словарного издания, имеют разные аспекты и проявления, репрезентируемые совокупностями неких терминов, имен и названий, а сами по себе указанные аспекты и проявления тоже могут рассматриваться как единичности, имеющие свои аспекты с собственными репрезентациями, и так далее по нисходящим иерархическим ступеням.

Можно утверждать, что соотносительное качество томов Энциклопедии во многом определяется тем, насколько глоссы «Словарного раздела» корреспондируют с отображенными в статьях «Общего раздела» наиболее важными явлениями, процессами, тенденциями и проблемами. Там, где необходимость такого взаимосоответствия «производящих» явлений и процессов, с одной стороны, и «парадигм репрезен-

таций», с другой, была упущена из виду, и в «Общем разделе», и в «Словарном» становятся заметны немотивированные лакуны в содержании (это наиболее отчетливо проявилось в томе «Историческая мысль. Политическая и правовая культура»). Там же, где указанное соответствие старались соблюдать, таких пробелов меньше или их почти нет (том «Философия»).

Есть основания говорить о том, что подобный опыт Энциклопедии, восходящий к опыту Словаря (в котором «Общий раздел» отсутствует, зато есть статьи «Конфуцианство», «Даосизм», «Буддизм в Китае», «Се цзяо» и другие, играющие роль обобщающих по отношению к определенным тематическим кластерам), может быть полезен для изданий в других жанрах. Например, для учебников и учебных пособий, вообще для тех публикаций, которые предполагают комплексное и завершенное описание неких процессов и явлений. Эти качества там могут быть обеспечены наличием обобщающего раздела, который предварит основной корпус текста, и содержательным соответствием основных разделов (где будут представлены парадигмы репрезентаций) вводному обобщающему (одному или нескольким, где будут фигурировать исходные «производящие» явления, процессы и проблемы).

В любом случае для создания качественного текста такого рода сначала стоит составить, помимо и прежде плана-проспекта, два перечня: а) *наиболее значимых процессов, тенденций, явлений и событий, которые должны быть обозначены в обобщающем разделе (или разделах)*; б) *терминов, имен и названий, распределенных по иерархическим уровням в соответствии с их важностью для репрезентации процессов, тенденций, явлений и событий, обозначенных в обобщающем разделе (разделах)*. Таким образом, уроки Словаря и производной от него Энциклопедии могут помочь в выстраивании содержания сложно организованных обобщающих текстов.

Пока же опыт двух новаторских отечественных энциклопедических изданий недооценивается научным сообществом, не исключая его китаеведческой составляющей. Стоит помнить о том, что прогресс отечественной и мировой синологии не позволяет почивать на лаврах: обновления требует не только публикация тридцатилетней давности, но и то, что сделано полтора десятка лет назад, – увы, ошибок и просчетов хватает и в томах Энциклопедии. Кое-что там пора переосмыслить и изменить кардинальным образом. К сожалению, нынешние стандарты оценки научных проектов не предполагают модернизации уже созданного (переизданий с исправлениями и дополнениями), а требуют принципиальной новизны, которую можно было бы выгодно обыграть в заявке на финансирование. Но и здесь не все безнадежно.

Во-первых, сомнительное качество некоторых книг 10-томника «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» [История Китая..., 2014–2018] актуализировало идею создания солидных учебников или монографических изданий по этой тематике. Новые проекты могут дать хороший повод применить такую технологию подготовки концепции издания, которая предполагала бы предварительное коллективное согласование проблемного контента и его координацию с перечнями реалий, репрезентирующих этот контент, вместо того чтобы давать карт-бланш каждому участнику на личный выбор и контента, и способов его подачи в рамках

порученного раздела. Во-вторых, если нет возможности сделать полные улучшенные аналоги Словаря и Энциклопедии, то стоит продумать, например, варианты подготовки серии энциклопедических справочников или коллективных монографий на основе развертывания, укрупнения и обновления отдельных разделов того или другого издания.

Библиографический список

- Быков Ф.С. Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М.: Наука, 1966. 242 с.
- Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1972. 368 с.
- Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. (+ доп.) / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит. РАН, 2006–2010.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. академик РАН С.Л. Тихвинский. М.: Наука – Вост. лит., 2014–2018.
- Китайская философия. Энциклопедический словарь / гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994. 575 с.
- Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1983. 359 с.
- Кобзев А.И. Энциклопедия «Духовная культура Китая» как *summa sinologiae* // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 1. Философия. М.: Вост. лит. РАН, 2006. С. 33–43.
- Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблема этногенеза. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1978. 328 с.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1983. 415 с.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1979. 328 с.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1984. 335 с.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1987. 311 с.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Этническая история китайцев в XIX – начале XX века. М.: Наука, изд. фирма «Вост. лит.», 1993. 411 с.
- Малявин В.В. Чжуан-цзы. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1983. 310 с.
- Рыков С.Ю. А.И. Кобзев как философ и исследователь // В пути за Китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева. М.: ИВ РАН, 2014. 746 с.
- Стабурова Е.Ю. Большой китайско-русский словарь: к 40-летней годовщине // Российское китаеведение. 2023. № 3 (4). С. 93–119.
- Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди и его школа. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1985. 245 с.
- Черникова Л.П. Илья Михайлович Ошанин: путь китаеведа // Российское китаеведение. 2023. № 3 (4). С. 120–149.
- Юркевич А.Г. Опыт формирования концепции академического энциклопедического издания по китайской духовной культуре // Универсально-типологическое и национально-специфическое в языке и культуре: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 23–24 апреля 2002 г. Ч. 3. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 185–203.
- Ян Хин-шун. Материалистическая мысль в Древнем Китае / отв. ред. и авт. предисл. М.Л. Титаренко. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1983. 181 с.

References

Bykov, F.S. (1966). *Zarozhdenie obshchestvenno-politicheskoy i filosofskoj mysli v Kitae* [The Emergence of Socio-Political and Philosophical Thought in China]. Moscow: Nauka. 242 p. (In Russian).

Drevnekitajskaya filosofiya. *Sobranie tekstov v dvuh tomah* [Ancient Chinese philosophy. Collection of texts in two volumes], Vol. 1. Moscow: Mysl', 1972. 368 p. (In Russian).

Duhovnaya kul'tura Kitaya *Enciklopediya v 5 t. (+ dop.)* [Spiritual Culture of China. Encyclopedia in 5 volumes (+ add.)], ch. ed. M.L. Titarenko. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2006–2010. (In Russian).

Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka [The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century], in 10 volumes, ch. ed. S.L. Tikhvinsky, Academician of RAS. Moscow: Nauka – Vostochnaya literature, 2014–2018. (In Russian).

Kitajskaya filosofiya. *Enciklopedicheskij slovar'* [Chinese Philosophy. Encyclopedic Dictionary], ch. ed. M.L. Titarenko. Moscow: Mysl', 1994. 575 p. (In Russian).

Kobzev, A.I. (1983). *Uchenie Van Yanmina i klassicheskaya kitajskaya filosofiya* [The Teachings of Wang Yangming and Classical Chinese Philosophy]. Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva "Nauka" [The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka"]. 359 p. (In Russian).

Kobzev, A.I. (2006). *Enciklopediya "Duhovnaya kul'tura Kitaya" kak summa sinologiae*. *Duhovnaya kul'tura Kitaya: enciklopediya. T. 1. Filosofiya* [Encyclopedia "Spiritual Cultura of China" as summa sinologiae. Spiritual Cultura of China. Encyclopedia. Vol. 1. Philosophy]. Moscow: Vostochnaya literature RAN. Pp. 33–43. (In Russian).

Kryukov, M.V., Sofronov, M.V., Cheboksarov, N.N. (1978). *Drevnie kitajcy: problema etnogeneza* [Ancient Chinese: the problem of ethnogenesis]. Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva "Nauka" [The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka"]. 328 p. (In Russian).

Kryukov, M.V., Perelomov, L.S., Sofronov, M.V., Cheboksarov, N.N. (1983). *Drevnie kitajcy v epohu centralizovannyh imperij* [Ancient Chinese in the era of centralized empires]. Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva "Nauka" [The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka"]. 415 p. (In Russian).

Kryukov, M.V., Malyavin, V.V., Sofronov, M.V. (1979). *Kitajskij etnos na poroge srednih vekov* [Chinese ethnos on the threshold of the Middle Ages]. Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva "Nauka" [The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka"]. 328 p. (In Russian).

Kryukov, M.V., Malyavin, V.V., Sofronov, M.V. (1984). *Kitajskij etnos v srednie veka (VII–XIII vv.)* [Chinese ethnos in the Middle Ages (VII–XIII centuries)]. Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva "Nauka" [The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka"]. 335 p. (In Russian).

Kryukov, M.V., Malyavin, V.V., Sofronov, M.V. (1987). *Etnicheskaya istoriya kitajcev na rubezhe srednevekov'ya i novogo vremeni* [The ethnic history of the Chinese at the turn of the Middle Ages and modern times]. Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva "Nauka" [The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka"]. 311 p. (In Russian).

Kryukov, M.V., Malyavin, V.V., Sofronov, M.V., Cheboksarov, N.N. (1993). *Etnicheskaya istoriya kitajcev v XIX – nachale XX veka* [The ethnic history of the Chinese in the XIX – early XX century]. Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva "Nauka" [The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka"]. 411 p. (In Russian).

Malyavin, V.V. (1983). *Chzhuan-czy [Zhuang-zi]*. Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva "Nauka" [The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka"]. 310 p. (In Russian).

Rykov, S.Yu. (2014). *A.I. Kobzev kak filosof i issledovatel'. V puti za Kitajskuyu stenu. K 60-letiyu A.I. Kobzeva* [A.I. Kobzev as a philosopher and researcher. The way beyond the Chinese Wall. To the 60th

anniversary of A.I. Kobzev]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN [Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. 746 p. (In Russian).

Staburova, E.Yu. (2023). Bol'shoj kitajsko-russkij slovar': k 40-letnej godovshchine [The Great Chinese-Russian Dictionary: to the 40th anniversary]. *Rossijskoe kitaevedenie* [Russian China Studies], No. 3 (4). Pp. 93–119. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.92.44.006

Titarenko, M.L. (1985). Drevnekitajskij filosof Mo Di i ego shkola [The ancient Chinese philosopher Mo Di and his school]. Moscow: Glavnaya redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva “Nauka” [The main editorial office of Oriental literature of the publishing house “Nauka”]. 245 p. (In Russian).

Chernikova, L.P. (2023). Il'ya Mihajlovich Oshanin: put' kitaeveda [Ilya Mikhailovich Oshanin: the path of a Sinologist]. *Rossijskoe kitaevedenie* [Russian China Studies], No. 3(4). Pp. 120–149. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.92.64.007

Yang, Hin-shun (1983). Materialisticheskaya mysl' v Drevnem Kitae [Materialistic Thought in Ancient China], ed. and preface by M.L. Titarenko. Moscow: Glavnaya redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva “Nauka” [The main editorial office of Oriental literature of the publishing house “Nauka”]. 181 p. (In Russian).

Yurkevich, A.G. (2003). Opyt formirovaniya koncepcii akademicheskogo enciklopedicheskogo izdaniya po kitajskoj duhovnoj kul'ture. Universal'no-tipologicheskoe i nacional'no-specificheskoe v yazyke i kul'ture: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 23–24 aprelya 2002 g. Ch. 3 [The experience of forming the concept of an academic encyclopedic publication on Chinese spiritual culture. Universal-typological and National-Specific in Language and Culture: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, April 23–24, 2002. Pt. 3]. Moscow: Publishing house RUDN. Pp. 185–203. (In Russian).

Zhexue da cidian. Zhongguo zhexue shi juan (1985). 哲学大辞典. 中国哲学史卷 [The Big Philosophical Dictionary. The History of Chinese Philosophy]. Shanghai: Shanghai cishu chubanshe. 822 p. (In Chinese.)

Поступила в редакцию: 10.01.2024. Received: 10 January 2024.

Принята к публикации: 10.02.2024. Accepted: 10 February 2024.